
КОНТЕКСТ

С.А. ШПАГИН*

ПАРТИИ И КАНДИДАТЫ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ – 2018

(По материалам регионов Сибирского федерального округа)

Аннотация. В статье анализируется российская партийная система сквозь призму президентских выборов 2018 г. Сравнительный анализ президентских выборов по электоральным циклам дает возможность показать изменение характера отношений кандидатов и партий. Если до 2004 г. кандидаты часто обходились без партийной поддержки, то затем она стала гарантией допуска к выборам. На выборах 2018 г. инкумбент вновь выступил как самовыдвиженец, но при явной поддержке «партии власти». Этим двойственным статусом, а также составом участников, уровнем конкуренции и результатом выборы президента 2018 г. очень близки к выборам 2004 г. На основе анализа электоральной статистики выделяются общие тенденции выборов 2018 г. (резкий скачок явки, низкий уровень конкуренции, измеряемый эффективным числом кандидатов, снижение абсолютных показателей голосования за всех партийных кандидатов, кроме П. Грудинина). Эти тенденции подтверждаются данными о голосовании в масштабах Сибирского федерального округа, но на уровне регионов встречаются и аномальные примеры (Кемеровская область и Республика Тыва), предположительно объясняемые применением административного ресурса. Выводы исследования говорят о персоналистском характере политического режима и снижении электоральной эффективности партийных лидеров как системных проблемах политических партий в России.

* **Шпагин Сергей Александрович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия), e-mail: shpagin1972@mail.ru

Shpagin Sergey, Department of Political Science, Tomsk State University, (Tomsk, Russia), e-mail: shpagin1972@mail.ru

© Шпагин С.А.

DOI: 10.31249/poln/2019.01.07

Ключевые слова: политические партии; президентские выборы; парламентские выборы; инкубент; эффективное число кандидатов; Сибирский федеральный округ.

Для цитирования: Шпагин С.А. Кандидаты и партии на президентских выборах – 2018 (по материалам регионов Сибирского федерального округа) // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 130–146. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.07

S.A. Shpagin
Parties and candidates and at presidential elections – 2018
(on materials of regions of Siberian Federal District)

Abstract. Article is devoted to the analysis of the Russian party system through a prism of the 2018 presidential election. The comparative analysis of presidential elections in various electoral cycles shows changes in the character of candidates and parties' relations. Till 2004 candidates often did not use party support, then it became the guarantee of the access to elections. In the 2018 election, the incumbent was nominated as an independent candidate – but with the support of the «party of power». The 2018 election are very close to the 2004 one by the dual status of the incumbent, the list of participants, the level of the competition and the electoral results. The analysis of electoral statistics helped to define the general tendencies of the 2018 election: the abrupt rise in the turnout, the low level of the competition demonstrated by the effective number of candidates, the decrease in absolute numbers of voting for all party candidates, except of P. Grudinin. These tendencies are confirmed by voting data in the Siberian Federal District, although some regions (Kemerovo oblast and Tyva) gave abnormal results which can be explained presumably by using administrative resource. Results of the research point out the personalistic character of the political regime and the decrease in the electoral efficiency of party leaders as system problems of the Russian political parties.

Keywords: political parties; presidential elections; parliamentary elections; incumbent; effective number of candidates; Siberian Federal District.

For citation: Shpagin S.A. Parties and candidates and at presidential elections – 2018 (on materials of regions of Siberian Federal District) // Political science (RU). – М., 2019. – N 1. – P. 130–146. – DOI: 10.31249/poln/2019.01.07

Принято считать, что выборы президента в России носят непартийный характер, а наиболее перспективные кандидаты в президенты всегда выходили не из партийной, а из властно-бюрократической среды. Как уже было замечено, сущность президентских выборов в России заключается в том, «что беспартийный президент или его преемник “защищают Кремль” от лидеров оппозиционных партий и “статистов”» [Макаренко, 2007, с. 45]. Такой

специфике выборов главы государства способствует институциональный дизайн российской политики, обеспечивающий президенту и правительству автономию от воздействия со стороны публичных институтов политического представительства [Ачкасов, 2002, с. 23–25; Шашкова, 2009, с. 109–110]. Часто этот эффект рассматривается как порождение специфической природы российского президентства, обусловленного особенностями процесса посттоталитарной трансформации и плебисцитарным характером власти главы государства [Макаренко, 2011, с. 50]. Кроме того, данные социологических опросов неизменно демонстрируют разительный контраст между предельно низким уровнем доверия населения к политическим партиям и представительным органам власти, с одной стороны, и достаточно высоким рейтингом главы государства – с другой [Институциональное доверие, 2017; Киселев, 2014, с. 62]. В таком контексте связь института президента и кандидатов на этот пост с партиями может показаться незначительной.

Выборы по пропорциональной системе дают более ясное представление о том, как избиратель относится к бренду той или иной политической партии и тем самым – к определенной системе политических взглядов [Коргунюк, 2017, с. 91–92]. Однако результаты президентских выборов тоже дают немало информации об отношении к тем или иным партиям и об их роли в партийной системе. Такие партийные лидеры, как Г. Зюганов и В. Жириновский, уже давно превратились в знаковые фигуры, олицетворяющие критику политики правительства соответственно с социал-популистской и национал-популистской позиций. Хотя степень узнаваемости многих других кандидатов в президенты гораздо ниже, однако соотнести их с определенной партией не составляет большого труда. Это соотнесение часто облегчается процедурой выдвижения кандидата той или иной партией или выражением ему официальной поддержки. Все это дает возможность исследовать президентские выборы в России как показатель динамики российской партийной системы.

В статье предпринята попытка оценить состояние партийной системы в России на основе анализа изменений в электорате основных политических партий в промежуток между думскими выборами 2016 г. и президентскими выборами 2018 г. В качестве эмпирического материала использованы электоральная статистика

ЦИК России на федеральном уровне и в регионах Сибирского федерального округа.

Зачем кандидатам партии?

Еще классик партологии М. Дюверже обратил внимание на то, как возникновение партий изменило систему представительства: «Прежде чем быть избранным своими избирателями, депутат избирается партией: избиратели всего лишь ратифицируют этот выбор» [Дюверже, 2002, с. 429]. Действительно, в XX в. партии стали ключевым институтом не только в структурировании электоральных предпочтений, но и в продвижении будущих лидеров. Хотя в большинстве случаев в выборах принимают участие независимые кандидаты, выдвижение от имени партии, в особенности парламентской, дает существенное преимущество. К репутации и иным личным ресурсам кандидата партия обычно добавляет организационную, финансовую, информационную поддержку, а главное – возможность выступить под ее брендом и тем самым апеллировать к ее стабильному электорату.

Тем не менее в 1990-х – начале 2000-х годов российская политическая система почти не стимулировала связи между партиями и кандидатами. На партии еще проецировался негативный образ КПСС, поэтому выглядеть «солдатом партии» кандидату было невыгодно. Кроме того, выдвижение партией не давало кандидату никаких преимуществ. На региональном уровне ресурсные кандидаты могли обойтись без партийной поддержки: вместо нее в их распоряжении были услуги политконсультантов [Голосов, 2006, с. 122] и «политические машины» губернаторов [Hale, 2006, p. 195]. Столь же слабой была эта связь и на федеральном уровне. Среди зарегистрированных участников президентских выборов 1996–2004 гг. формально выдвинутые партиями кандидаты составляли меньшинство. Более того, многие партийные лидеры предпочитали выдвигать свои кандидатуры самостоятельно, а не от имени партий. Так поступили, в частности, Г. Зюганов в 1996 г. и 2000 г., С. Федоров в 1996 г., А. Подберезкин, К. Титов и Г. Явлинский в 2000 г., С. Глазьев, С. Миронов и И. Хакамада в 2004 г. [Кынев, Любарев, 2011, с. 432, 440, 578–579].

Пока количество партий в несколько раз превышало число кандидатов в президенты, лидеры устойчивых партий могли не только удерживать свой базовый электорат, но и расширять его. Например, Г. Зюганов получил в 1996 г. на 8,7 млн голосов больше, чем КПРФ на думских выборах 1995 г., а в 2000 г. – на 5,7 млн голосов больше, чем партия в 1999 г. То же самое, но в меньших масштабах удавалось и Г. Явлинскому. Лишь В. Жириновский стабильно получал более скромные результаты по сравнению с ЛДПР.

Властвующие кандидаты в этот период тоже баллотировались как независимые, однако использовали символический капитал партий для демонстрации своего влияния. Перед выборами президента в 1996 г. было создано Общероссийское движение общественной поддержки Б.Н. Ельцина, в которое влились свыше 200 партий и других организаций. Поэтому хотя официально «президент всех россиян» дистанцировался от партий, партийный ресурс был задействован и в его избрании. В 2000–2004 гг. сходную стратегию избрал для себя В. Путин. Заменой партийному выдвижению в этом случае стало объявление о поддержке его кандидатуры целым рядом партий и блоков [Коргунюк, 2007, с. 353, 407].

Однако позже ситуация существенно изменилась. С одной стороны, вследствие законодательных новаций федеральных властей количество партий сократилось до такой степени, что способности кандидатов консолидировать вокруг себя партийные электораты сильно сузились. В результате в 2012 г. на пять кандидатов в президенты приходилось всего семь партий. С другой стороны, сформированный во второй половине 2000-х годов механизм выдвижения и регистрации кандидатов на выборные должности предоставил партиям (особенно парламентским) настолько существенные преимущества, что обойтись без партийной поддержки не могли себе позволить даже самые обеспеченные ресурсами претенденты. Партии приобрели монополию на распределение мест в Госдуме и на выдвижение кандидатов в губернаторы, а также преференции на других выборах. И хотя электоральная реформа 2013 г. вернула независимых кандидатов на думские выборы, другие преимущества у партий сохранились [Гришин, 2015, с. 20]. Уже на президентских выборах 2008 г. из 29 самовыдвиженцев успешно зарегистрироваться (и то лишь при поддержке властей) смог только малоизвестный лидер ДПР А. Богданов. В частности, регистрационный барьер не удалось пройти экс-премьеру

М. Касьянову. Зато среди четырех кандидатов, выдвинутых партиями, из борьбы выбыл только Б. Немцов – и то по собственному заявлению [Кынев, Любарев, 2011, с. 585–586].

Пример А. Богданова показывает, что начиная с 2008 г. роль самовыдвиженца на президентских выборах стала сводиться к имитации оппозиции. Представители власти предпочитали выдвигаться от «Единой России». Впрочем, Д. Медведева выдвинули сразу четыре партии, собравшие перед этим на думских выборах 75,39% голосов. Однако, судя по результату президентских выборов, голоса, отданные в 2007 г. за «Справедливую Россию», Аграрную партию России и «Гражданскую силу», механически в его поддержку не конвертировались. Очевидно, что в электорате третьего президента РФ в совокупности преобладали избиратели «партии власти».

Аналогичный сценарий повторился и в 2012 г., с той лишь разницей, что главным претендентом стал В. Путин, впервые официально выдвинутый «Единой Россией». Удержать под контролем почти весь свой электорат удалось в тот раз только Г. Зюганову. В. Жириновский по традиции набрал существенно меньше голосов, чем ЛДПР на думских выборах. Судя по низкому результату С. Миронова, 5,9 млн избирателей «Справедливой России» тоже предпочли иных кандидатов. Кроме лидеров КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» в тех выборах вновь принял участие независимый кандидат – миллиардер М. Прохоров. В условиях отсутствия кандидатов от либеральных партий власти не мешали ему перетягивать к себе протестный электорат [Михалева, 2015, с. 150]. В масштабах страны этот расчет вполне себя оправдал: миллиардера поддержали не только сторонники «Яблока» и «Правого дела», но и часть новых избирателей. Однако консолидировать протестный электорат в обстановке активизации несистемной оппозиции М. Прохорову было явно не под силу.

Очевидно, что на выборах 2012 г. ядерный электорат В. Путина составляли избиратели «Единой России», к которым ситуативно примыкали сторонники иных партий. Причем этих сторонников оказалось существенно больше, чем тех, кто не пришел на думские выборы, но явился на президентские. За главу государства было отдано на 13,2 млн голосов больше, чем за «партию власти», хотя общий прирост явки по сравнению с декабрем 2011 г. составил всего 5,2 млн голосов. Логично предположить,

что весомую долю среди избирателей В. Путина составили голосовавшие ранее за ЛДПР и «Справедливую Россию» [Туровский, 2018, с. 36–37], а менее весомую – избиратели «Патриотов России».

Президентские выборы 2012 г. вновь продемонстрировали заметный разрыв между базовым электоратом «партии власти» и общим электоратом В. Путина. Заполнение этого разрыва голосами сторонников ЛДПР и «Справедливой России» ясно свидетельствует об амбивалентности поведения избирателей. Поддерживая присутствие в Думе своих партий, они в то же время склонны голосовать не за их лидеров, а за властвующего кандидата. Впрочем, не исключено, что в ряде случаев колебания политических симпатий стали следствием не изменчивости выбора избирателей, а «волатильности избиркомов». Но признавая такие результаты выборов, эти партии ясно демонстрировали свой квазиоппозиционный характер.

Ход избирательной кампании 2012 г. показал возрастание роли партий как инструмента преодоления регистрационного барьера. Достаточно сказать, что для регистрации кандидата не от парламентской партии потребовалось менее чем за месяц собрать два миллиона подписей избирателей, в течение недели заверить у нотариусов подписи сборщиков и сдать на проверку в ЦИК [Анохина, 2012, с. 108]. Это удалось только М. Прохорову и Г. Явлинскому, но подписи последнего ЦИК забраковал. Кандидаты от парламентских партий были избавлены от таких хлопот.

В то же время выдвижение большинства кандидатов от партий очевидным образом проявило всю искусственность ограниченного «предложения» на политическом рынке. Выборы 2012 г. проходили на фоне мощной волны протестных настроений, которую никак не могла вместить в себя стиснутая законодательными ограничениями партийная система. Незаметность потерь Г. Зюганова и явный успех М. Прохорова как нового лица в федеральной политике стали следствием искусственной малопартийности и фактического ослабления партий при их формальном усилении.

Выборы – 2018: Сравнительный контекст

За время, прошедшее между выборами 2012 г. и 2018 г., политическая ситуация в стране существенно изменилась. С одной

стороны, уровень протестной активности заметно снизился (хотя выборы отчасти стимулировали его ситуативный рост), с другой – количество партий после законодательного понижения порога численности выросло настолько резко, что в новой президентской кампании имели право участвовать 64 партии. Это привело к росту числа кандидатов, хотя из длинного списка желающих до голосования дошли только В. Путин (формально – как самовыдвиженец, но при деятельной поддержке «Единой России» и ОНФ) и представители семи партий. Впервые с 2000 г. кандидаты от непарламентских объединений оказались в большинстве, причем трех из них выдвинули новые партии.

Характеризуя президентские выборы 2018 г., Р. Туровский обращает внимание на ряд особенностей: 1) впервые интервал между думской и президентской кампаниями растянулся до полутора лет; 2) КПРФ выдвинула совершенно нового для федеральной политики кандидата – П. Грудинина; 3) «Справедливая Россия» вместо выдвижения своего кандидата поддержала В. Путина; 4) либеральный фланг оказался расколот и поэтому представлен двумя кандидатами [Туровский, 2018, с. 37]. Действительно, в такой комбинации эти факторы на президентских выборах еще не встречались, хотя по отдельности (кроме первого) уже проявляли себя. Так, на выборах 2004 г. КПРФ выдвигала не Г. Зюганова, а лидера АПР Н. Харитонову, «Справедливая Россия» в 2008 г. отказывалась от выдвижения С. Миронова в пользу Д. Медведева. Что же касается раскола на либеральном фланге, то это стабильная черта российской политики [Уайт, 2002]. Например, на президентских выборах 2000 г. за голоса либеральных избирателей боролись лидер «Яблока» Г. Явлинский и один из лидеров Союза правых сил К. Титов, а в 2008 г. на этот же электорат претендовал не только А. Богданов, но и гораздо успешнее – Д. Медведев. Особенностью выборов 2018 г. стало то, что в либеральном сегменте между собой конкурировали не два, а три кандидата: Г. Явлинский, К. Собчак и Б. Титов. Впрочем, на голоса коммунистического электората тоже претендовал не только П. Грудинин, но и М. Сурайкин.

Кандидатов в президенты могло быть и больше. Однако ПАРНАС до сих пор не может оправиться от потери своего лидера Б. Немцова, Российская партия пенсионеров за социальную справедливость ослаблена рейдерским захватом в период думской кампании, а в «Гражданской платформе» после ухода Михаила и

Ирины Прохоровых не осталось явных лидеров. Ряд относительно успешных на региональных выборах непарламентских партий не стали выдвигать своих кандидатов еще и для того, чтобы подчеркнуть лояльность Кремлю.

Среди особенностей выборов 2018 г. укажем, что впервые не все партии, выдвинувшие своих кандидатов в президенты, участвовали в предыдущих думских выборах. Российский общенародный союз С. Бабурина и «Гражданская инициатива», выдвинувшая К. Собчак, не только не участвовали в них, но даже не пытались этого сделать. Очевидно, что целью участия этих партий в президентской кампании было сохранить регистрацию.

Если проводить аналогии, то выборы президента в 2018 г. сильнее всего напоминают выборы 2004 г. Тогда действующего главу государства тоже выдвинула не партия, а группа избирателей. И достигнутый им результат (71,31%) ненамного отличается от полученного в 2018 г. Наконец, на тех выборах либеральный электорат тоже представляла женщина – один из лидеров СПС И. Хакамада, выступавшая в качестве независимого кандидата. Причем ее результат – 3,84% и 2,67 млн голосов – вполне сопоставим с суммарным результатом К. Собчак, Г. Явлинского и Б. Титова в 2018 г.

Однако были и существенные различия. Выборы 2004 г. проходили в более благоприятной социально-экономической и международной обстановке. Партийная система работала в иных законодательных рамках и сохраняла связь с хаотической многопартийностью 1990-х годов «Единая Россия» еще не монополизировала электоральное пространство. Кроме того, в 2004 г. В. Жириновский единственный раз не стал участвовать в выборах сам, а выдвинул от ЛДПР своего телохранителя О. Малышкина. Наконец, в 2004 г. в бюллетенях еще присутствовала графа «против всех». И этот «кандидат» получил 3,45% голосов – больше, чем О. Малышкин и С. Миронов вместе взятые.

Федеральные тенденции и региональные особенности

Самой очевидной тенденцией президентских выборов 2018 г. стал *взрывной скачок явки*: в них приняло участие на 19,4 млн избирателей больше, чем на думских выборах 2016 г. Причем этот скачок стал результатом скоординированных усилий властей: в

ходе кампании даже назывался запланированный показатель явки в 70% [Кремль надеется... 2016]. И хотя он не был достигнут, столь значительное повышение явки имело большое политическое значение.

В условиях явного доминирования действующего президента выборы приобрели характер плебисцита о доверии ему со стороны населения. Соответственно, ключевым фактором подтверждения легитимности власти главы государства стал уровень явки избирателей. Низкая явка свидетельствовала бы о снижении этой легитимности. Поэтому с самого начала шла вполне реальная борьба между сторонниками и противниками массового участия избирателей в голосовании. Достигнутое повышение явки вполне может рассматриваться как победа президентской стороны.

По данным ЦИК, в думских выборах 2016 г. приняли участие 52,6 млн избирателей, а за В. Путина на президентских выборах в 2018 г. было отдано 55,2 млн голосов. Такое соотношение дает основания утверждать, что не институт главы государства, а именно *личность действующего президента приобретает более высокую степень легитимности, чем высший орган законодательной власти страны, взятый в целом*. Это обстоятельство говорит не просто о перекосе в системе разделения властей, а о почти полном отрицании этого разделения. Данное соотношение уровней легитимности подчеркивает деградацию не только парламента, но всей системы политического представительства в России. Сравнение абсолютных показателей голосования на думских и президентских выборах со всей очевидностью иллюстрирует тезис о *персоналистском характере политического режима современной России*. Иное объяснение столь сильному контрасту найти трудно. Естественно, что тенденция имеет прямое отношение и к партийной системе.

Важнейшей характеристикой партийной системы является степень ее конкурентности. В ходе выборов эта черта проявляет себя наиболее отчетливо. Однако в российских условиях количество участвующих в выборах партий и кандидатов представляет собой лишь формальный показатель и мало что говорит как о масштабах конкуренции между ними, так и о ее динамике. Поэтому воспользуемся для оценки показателями эффективного числа электоральных партий (ЭЧП) и эффективного числа кандидатов (ЭЧК), рассчитанными по формуле Г.В. Голосова [Golosov, 2010].

Результаты расчетов (см. табл. 1) показывают, что динамика зарегистрированных списков партий и кандидатов соответствовала уровню ЭЧП и ЭЧК только до четвертого электорального цикла (2007–2008). Если на думских выборах 2007 г. все показатели продолжали снижаться (а ЭЧП достигло исторического минимума), то на выборах президента 2008 г. сокращение числа кандидатов почти не изменило значения ЭЧК. В рамках следующего цикла снижение доли голосов за «Единую Россию» повысило значение ЭЧП, несмотря на общее сжатие партийной системы.

Таблица 1

Сравнительная динамика показателей конкуренции на выборах депутатов Государственной думы и президента

Электоральный цикл	Зарегистрировано партийных списков*	Эффективное число партий	Зарегистрировано кандидатов	Эффективное число кандидатов
1995–1996	43	8,85	10	3,36
1999–2000	26	6,14	11	2,06
2003–2004	23	3,64	6	1,4
2007–2008	11	1,72	4	1,46
2011–2012	7	2,38	5	1,7
2016–2018	14	2,19	8	1,34

*Для выборов 1995, 1999 и 2003 гг. под партийными списками подразумеваются также списки избирательных блоков и объединений. Эффективное число партий рассчитывалось по данным ЦИК о результатах голосования в едином общефедеральном округе [Выборы, референдумы...] в пересчете на количество действительных бюллетеней.

Разбалансировка показателей политической конкуренции проявила себя и в ходе текущего электорального цикла. В 2016 г. удвоение количества партийных списков сопровождалось снижением ЭЧП. На президентских выборах 2018 г. прибавилось не только избирателей, но и кандидатов. Однако отстранение от участия в них лидера радикальной оппозиции А. Навального, энергичная агитация, которую развернули он и его сторонники против участия в выборах, привели к тому, что значительная часть оппозиционно настроенных избирателей на выборы не пришли. Зато административная мобилизация лояльного электората оказалась результативной. В итоге измеряемый ЭЧК уровень конкуренции сократился до рекордной отметки.

Сравнение показателей голосования на думских и президентских выборах обнаруживает еще одну закономерность. Впер-

вые не только В. Жириновский, но и *все партийные кандидаты набрали меньше голосов, чем выдвинувшие их партии*. Эти потери носят как относительный, так и абсолютный характер (см. табл. 2). Впрочем, случаи Г. Явлинского и Б. Титова можно объяснить перетеканием голосов к К. Собчак. *Единственным исключением стал П. Грудинин*: если КППФ досталось чуть более 7 млн голосов, то ему – 8,5 млн. И этот прирост невозможно объяснить только перераспределением прежних достижений «Коммунистов России»: значительную долю голосов П. Грудинину принесли избиратели, которые не голосовали на думских выборах.

При таком низком уровне поддержки партийных кандидатов главным бенефициаром выборов стал действующий президент. Сверх электората «Единой России» ему достались голоса и новых избирателей, и сторонников партий, не выдвинувших на этот раз своих кандидатов, и многих из тех, кто раньше голосовал за ЛДПР или Партию роста.

Таблица 2

Сравнительные результаты политических партий на выборах в Государственную думу в 2016 г. и кандидатов на президентских выборах в 2018 г.

Партия	Результат (%)	Кандидат	Результат (%)	Разница голосов
«Единая Россия»	54,20	В. Путин	76,65	+26702757
КППФ	13,34	П. Грудинин	11,82	+1498666
ЛДПР	13,14	В. Жириновский	5,68	-2822844
«Коммунисты России»	2,27	М. Сурайкин	0,68	-448043
«Яблоко»	1,99	Г. Явлинский	1,03	-136886
Партия роста	1,29	Б. Титов	0,75	-188592

Источник: [Выборы, референдумы...].

Аналогичные закономерности можно наблюдать и в Сибирском федеральном округе. По сравнению с думскими выборами суммарная явка подскочила с 6,6 млн до 9,2 млн человек. Однако в относительном измерении она осталась немного ниже, чем в целом по стране – 65,39%. 70%-ный порог превышен только в Тыве, Бурятии и Кемеровской области. Зато в Иркутской области, где зафиксирован самый низкий результат (55,66%), Томской области и Забайкалье явка оказалась ниже 60%.

Эффективность мобилизации избирателей по регионам заметно различалась. Так, в Новосибирской области явка была невелика –

60,38%, но именно здесь ее прирост по сравнению с выборами в Госдуму оказался максимальным – 557 тыс. человек. Здесь же отмечен и самый большой разрыв между показателями голосования за «Единую Россию» и В. Путина (см. табл. 3). Почти такими же были результаты и в Красноярском крае. А в целом по федеральному округу за инкумбента проголосовало 6,8 млн человек, что на 3,5 млн больше, чем за «партию власти», и на 277 тыс. человек чем явка на думских выборах.

Наконец, уровень конкуренции на выборах почти не отличается от общефедерального показателя: в среднем по округу ЭЧК составило 1,35. Лишь в Алтайском крае, Омской области и Хакасии значение этого индекса было выше 1,5, в Кемеровской области – всего 1,18, а в Тыве и вовсе 1,08.

Таблица 3

**Динамика поддержки кандидатов на президентских выборах
2018 г. в сравнении с выборами
в Государственную думу в 2016 г. по регионам**

Регион	В. Путин	П. Грудиян	В. Жириновский	М. Сурайкин	Г. Явлинский	Б. Титов
Республика Алтай	37 609	7689	-3772	-1505	-100	-34
Республика Бурятия	206 790	6573	-10 581	-5923	-186	-9559
Республика Тыва	34 423	-111	-1593	-1181	-857	18
Республика Хакасия	110 258	12 680	-12 835	-3848	-645	289
Алтайский край	497 173	148 087	-69 070	-20 532	-8518	-959
Забайкальский край	200 479	10 762	-39 670	-8162	-555	-13
Красноярский край	618 565	47 118	-67 771	-15 915	-1311	-350
Иркутская область	500 474	7897	-44 800	-15 062	-1881	-2860
Кемеровская область	59 738	-26 017	-52 316	-3005	2733	4623
Новосибирская область	641 158	67 688	-60 170	-17 986	-2517	1934
Омская область	406 357	37 595	-36 028	-21 732	-3907	-6091
Томская область	220 268	36 732	-22 876	-6596	-3982	-895
Сибирский федеральный округ (СФО)	3 533 292	35 6693	-421 482	-121 447	-21 354	-13 897

Посчитано по: [Выборы, референдумы...].

Сибирь принесла П. Груднину почти 1,4 млн голосов. По сравнению с думскими выборами прирост на один регион составил 17,6 тыс. голосов в среднем по России и почти 30 тыс. по СФО. Интересно, что самым большим прирост оказался не в Новосибирской и Омской областях, где коммунисты традиционно сильны, а в Алтайском крае и Томской области: в обоих регионах кандидату досталось в 2,1 раза больше голосов, чем КПРФ. Вероятно, именно здесь П. Груднину удалось в наибольшей степени заинтересовать новых избирателей. Зато остальные партийные кандидаты понесли чувствительные потери. Особенно это заметно на примере М. Сурайкина, который в большинстве регионов получил в три-пять раз меньше голосов, чем его партия на выборах в Госдуму.

Большинство регионов СФО вполне вписываются в описанные тенденции, но есть и отклоняющиеся случаи. Самый впечатляющий – Кемеровская область. Здесь по традиции больше всех проголосовавших на обоих выборах, притом что на президентские пришло на 97 тыс. человек меньше, чем на думские. Это единственный регион Сибири, где на фоне борьбы за повышение явки ее уровень немного понизился. Впрочем, Кузбасс дал Путину больше всех голосов – 1,4 млн, и это больше, чем у «партии власти» на думских выборах. Однако прирост оказался невелик, и голосование за Путина на выборах президента, естественно, не могло быть больше, чем явка на думских выборах. Таким образом, как ни парадоксально, формально только здесь инкубенту не удалось превзойти Госдуму по уровню легитимности.

На этом, однако, список «кузбасских аномалий» не заканчивается. Кемеровская область – единственный регион Сибири, где П. Груднин недосчитался ощутимой части голосов по сравнению с КПРФ. Здесь же оказались необычайно малы потери М. Сурайкина (всего треть голосов, отданных в 2016 г. за «Коммунистов России»). Только здесь за Б. Титова проголосовало почти в три раза больше, чем за «Партию роста». Наконец, только в Кузбассе Г. Явлинский получил больше голосов, чем «Яблоко». Если добавить сюда еще и голоса за К. Собчак, то окажется, что три либеральных кандидата собрали вдвое больше голосов (31,7 тыс.), чем четыре либеральные партии на думских выборах (14,8 тыс.). Учитывая отрицательную динамику явки, результат просто невероятный.

В меньшей степени аномалии проявились в Тыве. На выборах 2018 г. республика обратила на себя внимание рекордной явкой (93,63%), а также наивысшим в Сибири и одним из самых высоких в стране уровнем голосования за президента – 91,98%. Однако по сравнению с думскими выборами прирост явки оказался небольшим. И это второй регион, где наблюдалось снижение голосования за Грудинина.

В обоих случаях электоральные аномалии имеют сходную природу. И в Тыве, и особенно в Кемеровской области действуют мощные «политические машины» губернаторов. В условиях ограниченного прироста явки (а в Кузбассе – ее фактического снижения) единственной возможностью повысить число голосов за властвующего кандидата становится их перераспределение – причем не только в его пользу. На этот раз бенефициарами «черного передела» оказались кандидаты от правых партий. Однако это ни в коей мере не означает, что позиции соответствующих партий и кандидатов в отмеченных регионах сколько-нибудь устойчивы.

Заключение

Выборы президента в 2018 г., несмотря на увеличение количества кандидатов, прошли без реальной конкуренции и принесли предсказуемую победу инкубенту. Они сопровождались мощной административной мобилизацией избирателей, хорошо заметной на примере сибирских регионов. Однако эффективность мобилизации здесь оказалась ниже, чем в целом по стране. Кроме того, достаточно ярко проявило себя электоральное разнообразие регионов. Если Новосибирская область и Красноярский край показали примеры электоральной мобилизации, то электоральные аномалии Кемеровской области и Тывы – ее пределов. Если Тыва и Кузбасс вновь продемонстрировали сверхлояльность, то в Алтайском крае, Омской области, Республике Алтай и Хакасии весомая доля голосов, отданных за П. Грудинина, выразила протестное голосование.

Хотя по итогам выборов партийная система не претерпела больших изменений, отдельные сдвиги в ней все же есть. Все более персоналистский характер политического режима увеличивает дистанцию между президентом и «Единой Россией». Пока эту дистанцию удастся заполнять голосами квазиоппозиционных пар-

ламентских и непарламентских партий, тем более что с 2012 г. их ассортимент существенно расширился. Но со временем это может заставить искать замену «партии власти» – например, в виде ОНФ или новой партии, созданной на его основе. Несамостоятельность «Справедливой России» как «партии левой руки власти» очевидна настолько, что это может стать фатальным для ее присутствия в Госдуме. Позиции КПрФ и ЛДПР более стабильны, но выборы отчетливо продемонстрировали, что проблема лидерства в них становится все острее.

В группе непарламентских партий главной цели – получения государственного финансирования – не удалось достичь никому. Зато к списку партий, подтвердивших участие в выборах по закону, добавились Российский общенародный союз и «Гражданская инициатива». Результаты лидеров «Яблока», «Коммунистов России» и Партии роста говорят о том, что серьезной поддержки в регионах Сибири у них нет, а проблема лидерства характерна и для них. Поэтому их претензии на роль федеральных партий пока выглядят не очень убедительно.

Список литературы

- Анохина Н.В.* Фальсификации и ограничение конкуренции на думских и президентских выборах 2011–2012 гг. // *Партии и выборы: Вчера, сегодня, завтра* / Под ред. Ю.Г. Коргунока, Г.М. Михалевой. – М.: КМК, 2012. – С. 106–115.
- Ачкасов В.А.* Российский институциональный дизайн и перспективы развития партийной системы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.6.* – СПб., 2002. – № 2 (14). – С. 23–31.
- Выборы, референдумы и иные формы волеизъявления / ЦИК России. – Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (Дата посещения: 10.10.18.)
- Голосов Г.В.* Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.
- Гришин Н.В.* Партии как привилегированный субъект избирательного процесса: Результаты институционального эксперимента // *Политическая наука.* – М., 2015. – № 1. – С. 12–29.
- Дюверже М.* Политические партии. – М.: Академический проект, 2002. – 560 с.
- Институциональное доверие: Пресс-выпуск / Левада-центр. – М., 2016. – 13 октября. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/> (Дата посещения: 10.10.18.)
- Киселев В.О.* Доверие к общественным институтам в России: Опыт социологического мониторинга // *Мониторинг общественного мнения.* – М., 2014. – № 6 (124). – С. 51–64.

- Коргунюк Ю.Г.* Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд ИНДЕМ: Московский городской педагогический университет, 2007. – 544 с.
- Коргунюк Ю.Г.* Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения // Политическая наука. – М., 2017. – № 1. – С. 90–119.
- Кремль надеется на 70-процентный результат своего кандидата на президентских выборах в 2018 году // News.com. – М., 2016. – 26 декабря. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/26dec2016/kirienko.html> (Дата посещения: 10.10.18.)
- Кынев А.В., Любарев А.Е.* Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. – М.: Фонд «Либеральная миссия»: Новое литературное обозрение, 2011. – 792 с.
- Макаренко Б.И.* «Нанопартийная» система // Pro et contra. – М., 2007. – № 3. – С. 43–57.
- Макаренко Б.И.* Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // Полис. Политические исследования. – М., 2011. – № 1. – С. 42–66.
- Михалева Г.М.* Выборы в Москве: Между полной управляемостью и возвратом к конкуренции // Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: Предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. – М.: Товарищество научных изданий «КМК», 2015. – С. 143–155.
- Туровский Р.Ф.* Президентские выборы в России: Возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. – М., 2018. – № 2 (89). – С. 23–50.
- Уайт Д.* «Яблоко» и СПС: Два пути либерализма в посткоммунистической России // Неприкосновенный запас. – М., 2002. – № 3 (23). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/3/wait.html> (Дата посещения: 10.10.18.)
- Шашкова Я.Ю.* Российская партийная система в условиях трансформации политического режима (конец XX – начало XXI в.). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – 180 с.
- Golosov G.* The effective number of parties: A new approach // Party Politics. – Thousand oaks, CA, 2010. – Vol. 16. – P. 171–192.
- Hale H.E.* Why not parties in Russia? Democracy, federalism, and the state. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 288 p.